

сразу после революции 1917 года издательство “Алконост” — один из самых знаменитых издательских домов тогдашней России. Издательство специализировалось на поэзии, помогая некоторым значительным поэтам примерно в то время, когда сам Фрост начинал завоевывать признание. Род занятий, эрудиция, старомодное обаяние Алянского делали его присутствие на этом вечере не только уместным, но и важным. Фрост, я уверен, не имел представления о заслугах Алянского. Распорядительницы вились вокруг Фроста, как будто стремились оградить его от воображаемых собирателей автографов; сами они никогда не выступали инициаторами того, что чиновники называют “обменом мнениями”. Присутствие Алянского было для меня полной неожиданностью, и я не мог подготовить Фроста. Впоследствии, когда я рассказал ему об Алянском, он очень сожалел, что не поговорил с ним подробно, хотя они обменялись за столом несколькими безобидными шутками.

Этот вечер, так же как и некоторые другие вечера, запомнился прежде всего своей атмосферой. Разумеется, дружеский ужин — событие не для передовицы, но яркой отличительной чертой поездки Фроста явилось то, что все увиденное им в России было увидено отчасти под политическим углом зрения, а все сказанное имело политическое значение. Его поэтические чтения и ответы журналистам не раз воспринимались именно так. Однако домашние вечера удавались и были очаровательны как раз из-за того, что не имели общественной значимости. Фрост и Паустовский проговорили почти весь вечер.

Они одинаково высоко ценили энергию и целеустремленность как в жизни, так и в литературе. Они говорили о том далеком времени, когда, еще не будучи писателями, перебивались случайными заработками и бродяжничали каждый по своей стране. Фрост сказал, что часто запрыгивал на ходу в поезда и